

ПОЧЕМУ НАС МАЛО ПУБЛИКУЮТ ЗА РУБЕЖОМ?

Н. А. ХАРЛАМОВ

Рассматривая деятельность российских социологов "в международном масштабе", часто задаешься вопросом, почему наши статьи не публикуют за рубежом? Почему на них не ссылаются там? Удобство этих двух вопросов в том, что к ним можно подойти "объективистски". А именно, квантифицировать, по крайней мере, фактографическую сторону дела: каким-то образом подсчитать число статей и ссылок на них на определенном массиве журналов. Нет смысла рассуждать о методологической стороне подобных исследований (т.е., например, о том, как такой массив строить), подмечу лишь, что за этими простыми вопросами скрывается более общая интуиция: что-то не в порядке с тем, как наша социология контактирует с социологией за рубежом. И соответствующее "почему?".

Среди объяснений, которые предлагаются для прискорбного факта "недостаточного присутствия" или даже "отсутствия" России и российских ученых в мировой науке все чаще встречаются высказывания о том, что существует некая граница. Операционально она оказывается тождественной границе текстов, производимых "российскими учеными", чаще всего определяемыми по месту работы, а то и вовсе по гражданству. А содержательно она подчас определяется как "антироссийские предрассудки". То есть, буквально можно понимать, что от российского автора статью в журнал не примут, не напечатают, и не прочитают.

Неужели все так просто? Неужели против российских авторов "ощерились" бойницы неприступных бастионов зарубежных журналов? Неужели все, чем нам придется довольствоваться, - это приглашения приезжать с докладами на международные конференции, а логичное и резонное следствие (статьи в журнале) такого приезда некие силы попытаются отратить всеми доступными им способами?

Граница, признаем, есть. Она фиксируется количественно и на интуитивном уровне. Но какова ее природа? Профессиональных журналов на английском языке в мире огромное количество. В одной только электронной подписке издательства Sage, которая есть у каждого члена Международной социологической ассоциации (она входит в пакет "бонусов" членства), их 40 штук! Лишь небольшая часть из них является локализованной, то есть, посвященной проблемам конкретного региона. Много журналов имеют международные редколлегии, подчас в них входят российские ученые. Английский язык (а он де факто является международным языком науки и сетовать по этому поводу сегодня столь же бесполезно, сколь бессмысленно) среди российских социологов определенно не является редкостью, во всяком случае, число коллег, знающих его, явно превышает число коллег, публикующихся за рубежом. В чем же заминка?

Наверняка не в организационных действиях. "Карьера" текста от его рождения до публикации довольно незамысловата: написанный на английском языке текст представляется (хотя и не обязательно) на международной конференции, редактируется с учетом реакции коллег. Подается в какой-либо журнал (сегодня это обычно делается через Интернет), обрабатывается в соответствии с комментариями рецензентов. Возможно, если статья будет сочтена неподходящей по профилю, текст придется подать в другой журнал (в таких случаях квалифицированные рецензенты или редактора, как правило, советуют автору журналы, где статья могла бы "прійтись ко двору").

Может быть, заминка возникает еще на этапе написания текста? Но при условии

наличия исследовательского материала и некоторого минимально необходимого знания английского языка это опять же вопрос организационных действий. Прежде всего, соблюдения некоторых международно принятых стандартов построения и оформления текстов. Хотя существуют специальные руководства по написанию текстов (и они нередко весьма полезны), я вряд ли сильно погрешу против истины, если скажу, что первым и главным источником познания таких стандартов являются сами тексты. Благо сегодня, например, членство в МСА с упомянутым пакетом электронной подписки стоит для российского ученого около ста долларов на 4 года, т.е. чуть меньше семидесяти рублей в месяц. То же самое касается и знания английского языка: начать писать по-английски можно только начав писать по-английски. Тем более, что на крайний случай существуют услуги профессионального перевода и редактирования текстов, автору останется только сверить текст на правильность передачи смысла. Поиск подходящего журнала и общение с редакторами - задачи по большому счету чисто технические.

Все эти организационные действия выглядят просто. Тогда возможно, проблема в том, что та самая граница является сконструированной? Не становятся ли (в соответствии с теоремой Томаса) организационные действия проблемными именно от того, что их воспринимают как таковые?

Чтобы статья была опубликована в каком-либо журнале, она должна соответствовать профилю журнала, в том числе ожиданиям читателей и редакторов относительно того, что в ней написано. Понять, каковы эти ожидания, можно только одним способом - ознакомившись с содержанием издания, став его читателем, изучив его подшивку за пару лет. Понять, что интересно читателям журналов, можно посмотреть, на какие его статьи ссылались больше всего за последние годы. Все это по сути означает поставить свои собственные изыскания в т.н. "международный" контекст. Частью этого контекста являются конференции. Другой частью - профессиональные форумы и дискуссионные листы, которых с появлением Интернета стало великое множество и которые доступны в реальном времени, как правило, без каких-либо барьеров (такие листы в форме интерактивных e-mail рассылок есть у многих секций Международной социологической ассоциации). Эти листы сами по себе могут стать источником идей, проектов и предложений о публикации. Автор, например, за последние полгода отправил в журналы не менее четырех текстов, которые были написаны либо по приглашению коллег с одного такого листа, либо навеяны идущими там дискуссиями. И надо сказать, никаких "антирусских барьеров" не ощутил.

Так может быть границ на самом деле нет? Мне кажется, она появляется и приобретает силу, когда ее начинают активно обсуждать и исследовать. Множатся дискуссии о том, что российские ученые "не участвуют" в международном поле, суждения о том, что на нас не ссылаются, ламентации по поводу предрассудков и барьеров... на них уходит время, тратятся недюжинные интеллектуальные усилия, производится немало исследовательских материалов. Но все они в лучшем случае имеют ценность скорее для социологии. То, что на первый план публичной сферы российской социологии вновь и вновь выходят вопросы о задачах российской социологии как науки, среди студентов все больше появляется желающих поисследовать "российское интеллектуальное пространство", а интеллектуальная среда насыщается рассуждениями о корчевателях, переводах и публикациях за рубежом, наводит на тревожную мысль. Наука не может до бесконечности заниматься попытками обосновать и исследовать саму себя! В противном случае ситуация развивается "по Луману": подсистема общества замыкается на саму себя, социология из самоописания общества превращается в самописание социологии. В таком случае теряется всякий смысл этого предприятия, недаром нарциссизм и аутизм считаются патологиями. Быть может, следует задуматься о целесообразности бесконечного смотрения в зеркало и, как учил один из основателей нашей науки Роберт Парк, вновь пойти и "запачкать штаны" в исследованиях мира за пределами аудиторий и библиотек, и добавлю, записать и опубликовать исследованное?

Н. А. ХАРЛАМОВ, *сотрудник Центра фундаментальной социологии ГУ-ВШЭ* (E-mail: nick.kharlamov@gmail.com)